

Ариф АРШАД

Писатель-публицист, член Союза писателей Azerbaijan и Объединения прозаиков Евразии, лауреат премии Президента Azerbaijan

Канун сентября не принес ожидаемой всеми прохлады: над городом все также висела жара и духота. До начала школьного учебного года оставалось каких-то 12 дней...

Стрелки часов сошлись на цифре 9, задребезжал звонок будильника, разбудивший Ислама. Вот уже 2-й месяц, как он оставался в квартире один: в начале июля детей в деревню увез шурин. Не вставая с постели, Ислам в уме перебрал предстоящие на сегодня дела: их было совсем ничего, и среди них главным оставалось техническое обслуживание машины. Завтра ему надо выезжать за ребяташками, Ислам хотел исключить любую поломку в дороге. Подготовив машину в дорогу, он, если останется еще время, хотел бы съездить на пляж.

Запланировав так, Ислам встал, прошел в ванную, где принял холодный, взбадривающий душ, насухо обтерся полотенцем. Одевшись, вышел на балкон, привычно взглянул на припаркованную под окнами дома черную "семерку", проговорил, словно подытоживая незавершенный вчера диалог:

- Не печалься, газель-черныш. Сегодня отдам тебя мастеру, и он превратит тебя в пантеру.

Зажег сигарету, сделал пару-другую быстрых, неглубоких затяжек, и не глядя, шелком отправил ее через ограждение балкона, вернулся в комнату, прошел в кухню к холодильнику, открыл его, чертыхнувшись, увидев среди пустых полок 2 яйца, нарезанные с вечера куски колбасы и бутыл с холодной водой, выбрал последнее, отпил из горла, вернул бутылку на место, прошел к кухонной раковине, на ходу подтянув рукава спортивной майки. Дел тут было невпроворот: за два месяца стол, газовая плита и столешница были заставлены кучей немойтой посуды. Переполненные пакеты с бытовыми отходами уже потеряли всякую надежду оказаться вместе с содержимым в мусорном баке, паутина в углах кухни, крошки и еще какие-то остатки пищи валялись тут и там на полу. Ислам начал с посуды, правда,

пришлось подождать, пока из открытого крана сольется ржавая вода, и она не станет относительно чистой и прозрачной.

За 2 часа экстренного субботника Ислам навел порядок во всей квартире - аж самому понравилось: "Ислам, шельмец, ты - единка! И достоинство, и талант - все на месте!" От самодовольных мыслей его отвлек свист чайника в кухне, где он, пройдя, залил кипятком стакан с одноразовым чайным пакетом, достал из холодильника остатки колбасы на тарелке, нарезал подсыхший хлеб и принялся за свой завтрак. Быстро покончив с ним, Ислам вымыл использованную только что посуду, вытер и расставил по полкам кухонных навесных шкафчиков, отключил от сети холодильник, настежь распахнул его дверцу.

Приблизился полдень, а потому Ислам, несколько торопясь, надел свежую тенниску, сложил и бросил в сумку полотенце на случай планировавшегося выезда на пляж, на несколько оборотов запер сейфовую

дверь квартиры и сбежал к своей "семерке". Машина завелась с пол-оборота ключа, Ислам хотел было уже переключить передачу и двинуться с места, но его остановил звонок мобильного. Звонила его жена Гольском - обладательница 2-х черных-пречерных зрачков. Черноокая, обращаясь к ней, называл ее чуть ли не с самого их знакомства Ислам, шутовское прозвище прижилось, да и Гольском оно очень нравилось, и сколько уже лет иначе он ее не называл.

- Алло, здравствуй, Черноокая.

- Здравствуй, Ислам. Как ты?

- Спасибо, все норм. Сама как? Дети?

- Мы тоже в порядке, - быстро проговорила Гольском, и, будто сменила пластинку с вальсом на твист, начала его упрекать, - ты, когда собираешься к нам? До начала занятий в школе осталось каких-то 10 дней, а детям надо купить форму, обувь, тетради, учебники... А мы все еще в деревне. Ведь...

- Не волнуйся, Черноокая, успеем. Сегодня машину посмотрит мастер, а завтра уже выезжаю к вам. Скажи шуруну, пусть барашка и тутовку приготовит, сделаем шашлык, обрадуем детей.

- Ну да, только этого не хватало! - недовольно сказала Гольском и дала отбой.

Ислам несколько раз перезванивал жене, но тщетно: на гудки никто не

откликался. Тогда он набрал номер свовья Таира.

Шурин и зять, являясь антиподами, к удивлению родни с обеих сторон, крепко дружили. Ислам - балабол, каких еще найти; Таир - тихий и молчаливый. Ислам в шутку называл Таира не шурином, а дурин, тот же, будучи на 5 лет старше зятя, на это не обижался...

Таир ответил быстро:

- Привет, Ислам. Говори...

- Привет, дурин. Завтра собираюсь к вам. Скажи, что надо привезти.

- Все есть, хвала Всевышнему. Себя привези, но не гони.

- Добро, будь спок. Завтра к полудню буду у вас. Шашлык планируешь?

- А то!.. А рядом тутовка...

- Дурин - ум, честь и слава нашей эпохи! Завтра буду как штык. Пока...

Ислам выключил мобильку, завел "семерку" и напрямик поехал в СТО, куда приехав, увидел, как от безделья мастера режутся в домино. Шутника и любителя поговорить Ислама здесь знали и уважали, между собой называя

- И посмотрим, и пошупаем. - С этими словами мастер Ризван уступил свое место Исламу и направился к своему столу с инструментами.

Замена мастера на "парнишку" в домино оказалась более, чем удачной: комментарию Ислама к ходам игроков внесли оживление в игру, подняли настроение доминошникам.

К 2-м часам дня машина была осмотрена, прошупана, подкручена, подвинчена. Мастер Ризван, протирая руки ветошью подошел к Исламу:

- Тачка готова.

- В дороге не подведет?

- Обижаешь, сахиб, - шутовливо ответил мастер. Поднял большой палец вверх и добавил, в том же тоне - Машина - звер, сущий!

Расплатившись с мастером, попрощавшись со всеми, Ислам посмотрел на часы и поехал по направлению к пляжу Шихово. Давненько он не был здесь, последний раз в августе прошлого года вместе с 10-летним сыном Тофиком приезжал сюда. Тогда, вспомнил Ислам, они плавки оставили

ДОРОЖНАЯ

его "парнишкой", хотя парнишке скоро встречать свою 30-ю осень.

- Трудящимся пламенный привет! - Ислам вышел из машины, подошел к мастерам и, кивнув на костяшки домино, разбросанные по столу, добавил, вижу, что заняты важным делом.

Мастер Ризван, не отрываясь от игры, ответил:

- Где тебя носит? Маеся тут от нечего делать... Что с машиной?

- Что может статься с моей газелью? Завтра собираюсь в деревню за детьми, заехал, чтобы посмотрели-пошупали машину.

дома, а потому, разувшись, стояли по щиколотку в воде, с завистью наблюдая за манившим перекатами волн и барахтающимися в воде взрослыми и детьми. Недолго побыв на пляже, отец и сын вернулись домой...

А еще Ислам вспомнил 7-летнюю Голюр, и такая тоска по детям вдруг нахлынула на него, что он, резко затормозив, съехал на обочину, развернулся на парковке пляжа, выехал в противоположном городе направлении, чтобы "сесть" на республиканскую трассу, которая приведет его к любимым детям и жене. Так он ехал

по пустынной трассе - благо был рабочий день, - напевая первые приходящие на ум песни: все же лучше тишины в кабине и испорченного радиоприемника. На подъезде к Гобустану остановил на взмах пожилого человека на обочине. 70-летний старик, не спеша подошел к машине, нагнувшись к спущенному боковому стеклу, немного смущаясь, спросил:

- Сынок, куда путь держишь?

- В Гядабей еду, уважаемый. А тебе куда?

- Мне в Шамкир. Мне как раз по дороге. Живу в районном центре, по селам колесить не надо. Сколько возмешь за дорогу?

Ислам обрадовался, что хоть пару часов из пяти, обычно затрачиваемых легковушкой из Баку до Гядабея, он будет в дороге не один.

- Забудь и садись. Ты будешь вести разговор, а я не спеша рулить. Одному трудно, глядишь, в сон потянет. А тут аксакал: наверняка есть чему поучиться у тебя. А деньги ни к чему какие деньги с попутчика.

будто бы отгоняя навалившийся на него сон.

- Повезло нам, дедушка, так смогло, что чуть не потерял управление.

Старик поерзал нервно на сиденье, потом недовольно-назидательным тоном сказал:

- Будь внимательнее, не спи.

- Как тут не уснуть! Ты так сладко и громко храпишь, что в округе за километр все уже заснуло, один я держусь. Ты лучше Расскажи мне что-нибудь интересное - сон сам улетучится. И ехать будем ровно, в охотку, не заметишь, как тебя довезу.

- Что тебе рассказать, сынок?

- Что было - не было и прошло. О чем слышал, чему не поверил, а что и сам видел. Правда, не знаю, дедушка... Ну хотя бы чем занимаешься, о работе своей Расскажи. Мы же в дальней дороге, надо бы занять чем-то время.

Старик пожал плечами, мол, не знаю, о чем говорить, ничего не ответил. Так они ехали молча, лишь Ислам иногда косил глаза в сторону молчащего пассажира, который, не

Интересно... Неужели за столько лет с тобой не приключилось в жизни чего-либо интересного. Может, было нечто, что на всю жизнь осталось в твоей памяти?

Старик рассеянно взглянул на Ислама, но продолжил упорно молчать.

Ислам решил идти до конца:

- Я был рад взять тебя в дорогу с собой. Знаешь почему? Подумал, повидавший жизнь человек преклонного возраста поможет мне спокойно и незаметно преодолеть эти 500 километров пути. Ты же, не обижайся, словно воды в рот набрал... Дедушка, неужели из прожитой тобой жизни ты ничегошеньки не запомнил?

Старик повернулся к Исламу, тихим голосом ответил:

- Нет, сынок. Ничего такого. Ничего на память не приходит. Иначе Рассказал бы...

Ислам усмехнулся:

- Какие твои годы? Вспомнишь еще - вся жизнь впереди.

Тем временем подступали вечерние сумерки. Вдруг Ислам резко сбросил

с себя верхнюю одежду, полез в холодную воду, чертыхаясь торопливо, несколько раз окунулся и выбежал на берег, вытерся полотенцем, приготовленным еще утром для пляжа. Старик тоже подошел к реке, погрузил в небыстрое течение реки ладони, тщательно умыл лицо, шею, руки до локтей, вернулся к машине. Ислам завел машину, кивком головы сделал знак старику сесть в салон. Старик повиновался без слов, лишь устранившись поудобнее на сиденье, он еще раз взглянул на горку собранных валунов, уже знакомых для Ислама пожал плечами. Машина развернулась, набрала скорость, споро выехала на трассу. Двое в машине продолжали молчать, лицо старика как будто было в задумчивости, а Ислам весь отдался дороге, внимательно следя в наступающем вечере за встречным движением. Чуть больше получаса им потребовалось, чтобы достичь автовокзала Шамкира, откуда до дома старика было рукой подать. Тем не менее Ислам, узнав по жестике и удовлетворенному или недовольному хмыканью пассажира, подъехал к самым воротам его дома. Старик молча вышел из машины, полез в карман, достал 20 манатов, протянул их Исламу. Ислам навстречу руке старика с купюрой выставил свою ладонь, усмехнулся:

- Дедушка, а тебя не ради денег взял. Убери их...

- Благодарю тебя, сынок. Прошу тебя зайти ко мне, чаю попьешь, отдохнешь маленько, на короткую дорогу осилили... - Старик вышел из машины, убрал двадцатку в карман, закрыл дверь машины.

Ислам, в знак благодарности за приглашение наклонил голову:

- Спасибо за приглашение, уважаемый. Мне осталось полчасика до дома, дети ждут, должен ехать...

Старик, положив руку на крышу салона, спросил:

- Если так торопишься, то не буду задерживать тебя. Только ответь мне на один вопрос. Зачем мы собрали те камни в кучу, а потом все там оставив, уехали?

Мягко улыбувшись в ответ, Ислам ответил:

- Случись какой-нибудь сукин сын по пути возьмет тебя, потом этот же сукин сын начнет просить тебя рассказать о чем-то наиболее запомнившемся тебе, ты вот эту историю с речными камнями сукиному сыну и Расскажи. Ну уж эта история должна долго остаться в твоей памяти! Всего тебе хорошего, я поехал...

Ислам развернулся и быстро скрылся в темноте. Старик же, подождав, когда габаритки "семерки" превратятся в точки, развернулся, открыл капотку ворот, и прежде, чем шагнуть через нее и запереть за собой, бросил безразлично: "Сукин сын..."

ИСТОРИЯ

Старик открыл дверь, сел в машину, вынул платок, чтобы стереть взмокшее под солнцем лицо, стал благодарить Ислама:

- Спасибо, сынок. С полудня я торчу на дороге в такую жару, ни один сукин сын даже не притормозил для виду... Тебя мне Бог послал!

- По-твоему выходит, кто проехал мимо тебя - сукины дети, так?

- Не придирайся, сынок. Это же сгоряча сказано...

Улыбнувшись, Ислам тронул "семерку" с места. Не прошло и 10 минут, как кабину заполнил смачный храп старика. На подъезде к Кюрдмиру глубокий и шумный сон старика стал почему-то раздражать Ислама. Бросая время от времени на спящего взгляд, он начал причитать негромко:

- Блин, я же его взял, чтобы в дороге не скучно было и не заснуть за рулем. А что получается? Сел в машину, уснул, да так храпит, что впопугу его храп вместо сигнала использовать. Нарочно, что ли он? Погоди, дедушка, сейчас я тебя разбуджу...

С этими словами Ислам начал вращать руль машины из стороны в сторону, покачиваясь всем корпусом, словно сейчас он уснет. Старик вздрогнул, открыл глаза, переполненные испугом:

- Что случилось? В чем дело?

Ислам, продолжая играть свою задумку, стал попеременно тереть глаза,

моргая, застывшим взглядом смотрел перед собой. Тишину нарушал вопрос Ислама, повторяемый им время от времени: "Уважаемый, как дела?", на что старик все так же пожимал плечами - Не знаю... или же Отстань. Вплоть до Евлаха, крупного населенного пункта республики, оба включились в непонятную, молчаливую игру, своеобразную перебранку: кидая друг на друга косые взгляды, старались не встретиться глазами. Ислам понимал, что пока его глаза открыты, не ищет в них "песочного человека", старик спокоен за себя. Доказательством этому служили его нечастые, но глубокие выдохи, после того, как старик отводил от Ислама свой взгляд. Ислам же уверил себя, что старик однозначно дал обещание молчать всю их долгую дорогу: прежние в душе Ислама расположенность и открытость по отношению к старику вытеснялись злостью...

До Гянджи, 2-го по значению города республики, оставалось всего ничего, и Ислам решил еще одну попытку разговорить старика: обращаясь к старику чаще, чем требовали приличия, он задавал один и тот же вопрос: "Уважаемый, как дела?"

Тот терпеливо поднимал ладони вверх и вертел ими, что означало на языке жестов кавказцев - так себе.

Ислам не сдавался:

- Деда, сколько тебе лет?

- 73, а что?